

Житие священноисповедника Луки, архиепископа Симферопольского и Крымского

Святитель-хирург

Содержание

Предисловие	
Детство и юность	
Начало профессиональной деятельности	
Курская губерния	
Переславль-Залесский	
Туркестан	
«Доктор, вам надо быть священником...»	
Исповедничество	
Аресты и ссылки	
Великая Отечественная война. Архиерейское служение в Красноярске	
Тамбовская епархия	
«Моя слава — большое торжество для Церкви...»	
Крымская епархия	
Блаженная кончина святителя Божия	
Саратовская епархия	
Тропарь, кондак, величание	
Тропарь, глас 1	
Кондак, глас 1	
Величание	
Канон священноисповеднику Луке, архиепископу Симферопольскому и Крымскому	
Акафист священноисповеднику Луке, архиепископу Симферопольскому и Крымскому	
Молитва святителю Луке, исповеднику, архиепископу Красноярскому и Крымскому	

Предисловие

История нашей страны знает множество людей, послуживших ее становлению, возвеличивая ее как святую Русь. Но где она, святая Русь? И можем ли мы назвать так современную Россию? Вопрос непростой, но ответ на него, как видится, лежит вне физических законов и исторических рамок. Святая Русь — это вневременное

устройство. Это сонм святых, живших на Руси во все века и сохранявших верность Господу. К великому сонму святых, явленных и неявленных, в тяжелейшем для Церкви XX веке присоединился целый собор новомучеников и исповедников Российских.

И среди них мы видим величественную фигуру святителя Луки (в миру Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого; 1877–1961) — ученого с мировым именем, профессора хирургии и топографической анатомии, одного из основателей регионарной анестезии и гнойной хирургии. В течение многих лет Валентин Феликсович работал земским врачом в самых разных частях России — от юга родины до самых крайних точек на севере страны. В самый разгар антирелигиозной пропаганды профессор, главный врач большой больницы города Ташкента, хирург принимает священный сан. «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: “Не могу молчать!”. И я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому», — вспоминает он. В 1923 году отец Валентин (Войно-Ясенецкий) принял монашеский постриг с именем Лука и был рукоположен во епископа. В сане епископа за исповедание православной веры прошел тернистый путь лагерей, принимал участие в Великой Отечественной войне, в 1946 году возведен в сан архиепископа, награжден правом ношения бриллиантового креста на клобуке. За выдающиеся научные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при огнестрельных ранениях крупных суставов» был награжден Сталинской премией I степени, а за участие в Великой Отечественной войне медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Практически до последних дней святитель Лука сочетал епископское служение с хирургической практикой. В 1995 году он был причислен к лику святых Украинской Православной Церкви, в 1999 году — к лику святых Красноярской епархии. В 2000 году — к лику святых Русской Православной Церкви.

Детство и юность

27 апреля 1877 года в городе Керчи в семье провизора Феликса Станиславовича Войно-Ясенецкого и его жены Марии Дмитриевны родился третий сын Валентин. Всего же в семье Войно-Ясенецких было пятеро детей: Павел, Ольга, Валентин, Владимир и Виктория. Отец был благочестивым католиком и держался несколько отстраненно от остальной, воспитанной в православном духе, части семьи. Искренние молитвы родителей Валентин наблюдал с раннего детства, что, несомненно, повлияло на формирование его мировоззрения. Сам он вспоминал об этом так: «Мой отец был католиком, весьма набожным, он всегда ходил в костел и подолгу молился дома...», «Мать усердно молилась дома» и далее: «Если можно говорить о наследственной религиозности, то, вероятно, я ее наследовал главным образом от очень набожного отца. Отец был человеком удивительно чистой души, ни в ком не видел ничего дурного, всем доверял...». Мальчик рос в атмосфере христианской любви и послушания. С детства он отличался спокойным и твердым характером, рано проявил художественные склонности, окончил одновременно гимназию и художественную школу и стал готовиться к экзаменам в Академию художеств.

По окончании гимназии восемнадцатилетнему Валентину был подарен Новый Завет. Вот как вспоминает об этом святитель в мемуарах: «Правильное представление о Христовом учении я... вынес из усердного чтения всего Нового Завета, который, по доброму старому обычаю, я получил от директора гимназии при вручении мне аттестата зрелости как напутствие в жизнь. Очень многие места этой Святой Книги, сохранявшейся у меня десятки лет, произвели на меня глубочайшее впечатление. Они были отмечены красным карандашом. Но ничто не могло сравниться по огромной силе впечатления с тем местом Евангелия, в котором Иисус, указывая ученикам на поля созревшей пшеницы, сказал им: Жатвы много, а делателей мало. Итак, молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатву Свою (Мф. 9, 37). У меня буквально дрогнуло сердце, я молча воскликнул: “О Господи! Неужели у Тебя мало делателей?!”. Позже, через много лет, когда Господь призвал меня делателем на ниву Свою, я был уверен, что этот евангельский текст был первым призывом Божиим на служение Ему».

Готовясь стать художником, Войно-Ясенецкий увлеченно занимался рисованием, но, в отличие от своих товарищей по зарисовкам, он выбирал не пейзажи окрестностей Киева и не жанровые сцены. Валентина влекла духовная сторона жизни: «В это время впервые проявилась моя религиозность. Я каждый день, а иногда и дважды в день ездил в Киево-Печерскую Лавру, часто бывал в киевских храмах и, возвращаясь оттуда, делал зарисовки того, что видел в Лавре и храмах. Я сделал много зарисовок, набросков и эскизов молящихся людей, лаврских богомольцев, приходивших туда за тысячу верст, и тогда уже сложилось то направление художественной деятельности, в котором я работал бы, если бы не оставил живописи. Я пошел бы по дороге Васнецова и Нестерова, ибо уже ярко определилось основное религиозное направление в моих занятиях живописью».

Однако во время вступительных экзаменов в Петербургскую Академию художеств юношей овладело тяжелое раздумье о том, правильный ли жизненный путь он избирает: «Недолгие колебания кончились решением, что я не вправе заниматься тем, что мне нравится, но обязан заниматься тем, что полезно для страдающих людей», — вспоминал святитель.

Подобный выбор пути — помощь и просвещение народа — соответствовал распространенным в то время в среде русской интеллигенции народническим идеям. Часто народничество связывалось с толстовством. Но от толстовства Валентина оттолкнул сам Толстой брошюрой «В чем моя вера?». Святитель вспоминал об этом так: «Однако мое толстовство продолжалось недолго, только лишь до того времени, когда я прочел его запрещенное, изданное за границей сочинение “В чем моя вера?”, резко оттолкнувшее меня издевательством над православной верой. Я сразу понял, что Толстой — еретик, весьма далекий от подлинного христианства. И хоть увлечение толстовством безвозвратно ушло, но осталось искреннее желание послужить своему народу, чтобы облегчить его страдания».

По мнению Валентина, полезной для страдающих людей была медицина, так как именно в медицинской помощи особенно нуждалась российская глубинка. Но осуществить свое решение и начать учебу на медицинском факультете Валентину Войно-Ясенецкому удастся не

сразу: еще год он проучился в художественной школе в Мюнхене, затем (в 1897–1898 годах) на юридическом факультете Киевского университета.

В 1898 году он поступает на медицинский факультет. Учился Валентин на одни пятерки и резко выделялся среди студентов превосходно выполненными препаратами трупов: «Из неудавшегося художника я стал художником в анатомии и хирургии... мои товарищи единогласно решили, что я буду профессором анатомии, и оказались правы, хотя я и протестовал против их предсказаний». На четвертом и пятом курсах он увлекся глазными болезнями. Из массы студентов его выделяли высокие моральные требования к себе и другим, чуткость к чужому страданию и боли, открытый протест против насилия и несправедливости. Можно сказать, что первая проповедь будущего святителя была произнесена в университете на 3-м курсе. В один из дней перед лекциями Войно-Ясенецкий узнал, что в пылу спора его сокурсник ударил другого студента по лицу, и это, кроме того, было окрашено национальными красками: «...перед одной лекцией я узнал, что один из товарищей по курсу — поляк — ударил по щеке другого товарища — еврея. По окончании лекции я встал и попросил внимания. Все примолкли. Я произнес страстную речь, обличавшую безобразный поступок студента-поляка. Я говорил о высших нормах нравственности, о перенесении обид, вспомнил великого Сократа, спокойно отнесшегося к тому, что его сварливая жена вылила ему на голову горшок грязной воды. Эта речь произвела столь большое впечатление, что меня единогласно избрали старостой».

После блестяще сданных выпускных экзаменов и получения диплома с отличием Валентин страшно обескуражил сокурсников заявлением, что его жизненный путь — это путь земского врача. «“Как, Вы будете земским врачом? Ведь Вы ученый по призванию!” — воскликнули коллеги. Я был обижен тем, что они меня совсем не понимают, ибо я изучал медицину с исключительной целью быть всю жизнь деревенским — мужицким врачом, помогать бедным людям», — писал в мемуарах святитель Лука.

Начало профессиональной деятельности

Но сразу земским врачом Войно-Ясенецкому стать не пришлось: в 1904 году в качестве добровольца он был направлен в госпиталь Красного Креста под Читту, где в лазарете на 200 коек его назначили заведующим хирургическим баракком. Уже в первые месяцы практической работы проявился его твердый, волевой характер и высокий профессионализм, об этом времени святитель вспоминал так: «...не имея специальной подготовки по хирургии, стал сразу делать крупные ответственные операции на костях, суставах, на черепе. Результаты работы были вполне хорошими...». Там же он женился на сестре милосердия Анне Ланской, которая покорила хирурга «исключительной добротой и кротостью характера».

Много жизней спас военно-полевой хирург Войно-Ясенецкий. Один из раненых офицеров в знак благодарности за спасенную жизнь пригласил после войны Валентина Феликсовича с молодой женой Анной жить и работать у него на родине, в Симбирске. Приглашение было принято. Это одна из версий, почему молодой врач приехал именно в Симбирскую губернию. Но по другой версии, представленной народным

врачом СССР В.С. Поросенковым, Войно-Ясенецкому посоветовали ехать именно туда ученые с мировым именем Филатовы, родом симбирские.

К моменту приезда В.Ф. Войно-Ясенецкого местная больница, по меркам того времени, относилась к разряду средних. Кроме амбулатории, у нее был стационар на 35 коек. Работа земского врача мало отличалась от работы военно-полевого хирурга: 14-16-часовой рабочий день, те же стоны и страдания измученных болезнью людей. Разница лишь в том, что единственному врачу приходилось быть и акушером, и педиатром, и терапевтом, и окулистом, и хирургом... «Я поступил врачом в Ардатовское земство Симбирской губернии. Там мне пришлось заведовать городской больницей. В трудных и неприглядных условиях я сразу стал оперировать по всем отделам хирургии и офтальмологии», — вспоминает Войно-Ясенецкий.

Хорошей помощницей ему была жена, Анна Васильевна. Все трудные земские годы Анна Васильевна не только вела дом, но и профессионально помогала мужу. Причиной непродолжительной деятельности в Ардатове (всего 10 месяцев) стала неудовлетворенность одаренного врача от работы с неквалифицированным медицинским персоналом. Эта проблема была во всех земских больницах того времени; при сложных хирургических случаях непрофессионально выполненный общий наркоз часто приводил к смертельным исходам. Яркий случай был описан хирургом Войно-Ясенецким в истории болезни ардатовского периода в июле 1905 года. В амбулаторию ардатовской больницы обратился старик огромного роста и богатырского сложения — карбункул нижней губы. Срочная операция под наркозом была проведена успешно, но спасти больного не удалось. О выводах из подобных клинических случаев сам святитель вспоминал так: «Надо отметить, что в ардатовской больнице я сразу столкнулся с большими трудностями и опасностями применения общего наркоза при плохих помощниках, и уже там у меня возникла мысль о необходимости по возможности шире заменять его местной анестезией». Впоследствии хирург Войно-Ясенецкий значительно развил и усовершенствовал один из основных методов местной анестезии — регионарную, или проводниковую, анестезию, при которой путем вкола в соответствующий нерв или нервный узел удается обезболить целую область, на которой производится оперативное вмешательство. В наши годы в Ардатове на здании районной больницы установлена мемориальная доска, напоминающая о том, что здесь работал великий хирург, а в ардатовской Никольской церкви представлены для поклонения частицы святых мощей владыки.

Курская губерния

В ноябре 1905 года Валентин Феликсович переехал в деревню Верхний Любаж Фатежского уезда Курской губернии, где заведовал маленькой участковой больницей на 10 коек. Помимо этого молодой врач принимал участие в обсуждении целого ряда вопросов, связанных с его земством, в которое входило еще несколько сел и деревень: возвращение с воинской службы земских врачей, созыв съезда врачей, постройка заразных барачных больниц в сельских больницах, посещение школ врачами. Ему также поручили устройство ясель в населенных пунктах и деревнях на его участке. После санитарных советов Валентин

Феликсович возвращался домой только к вечеру и сразу же ехал в больницу оперировать. «...В маленькой участковой больнице на десять коек я стал широко оперировать и скоро приобрел такую славу, что ко мне пошли больные со всех сторон, и из других уездов Курской губернии, и соседней, Орловской», — вспоминает свои будни святитель. В то время была широко распространена трахома глаз, лишавшая зрения тысячи людей. Валентин Феликсович возвращал им возможность видеть. В своей автобиографии он приводит по этому поводу следующий курьезный случай: «...молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

Сам святитель так подвел итог своей работы в любажской больнице: «Чрезмерная слава сделала мое положение в Любаже невыносимым. Мне приходилось принимать амбулаторных больных, приезжавших во множестве, и оперировать в больнице с девяти часов утра до вечера, разъезжать по довольно большому участку и по ночам исследовать под микроскопом вырезанное при операции, делать рисунки микроскопических препаратов для своих статей, и скоро не стало хватать для огромной работы и моих молодых сил».

В период работы в Курской области (с 1905 по 1908 год) хирург Войно-Ясенецкий выполнил более 1500 сложнейших операций, обобщил ряд хирургических случаев и опубликовал свои первые научные статьи: «Невроматозный элевантиаз лица, плексиформная неврома», а также «Ретроградное ущемление при грыже кишечной петли». В 1907 году Валентин Феликсович был переведен в Фатеж, где заведовал более крупной больницей на 60 коек, и проработал там недолго. Именно в Фатеже в семье родился первенец — сын Михаил. Известно, что в это время святитель посещал глинскую Рождество-Богородицкую и Коренную общежительную пустынь, где имел долгие беседы с настоятелем пустыни игуменом Исаией. Настоятель показывал ему монастырскую больницу, аптеку с запасом медикаментов и хирургических инструментов.

Из Фатежа Войно-Ясенецкие переехали в начале 1908 года на Украину в город Золотоношу. Там в семье родился второй ребенок — дочка Елена. О работе в этом городе Войно-Ясенецкого в качестве врача в амбулатории нет никаких сведений, но известно, что в августе 1908 года, оставив семью на Украине, Валентин Феликсович едет в Москву. Поездка туда была мотивирована научным интересом Войно-Ясенецкого: во время работы в земствах перед ним остро встала проблема операций под местным наркозом, повлияла и новая в то время книга немецкого профессора Г. Брауна «Местная анестезия, ее научное обоснование и практические применения». Святитель вспоминал: «Я с жадностью прочел ее и из нее впервые узнал о регионарной анестезии, немногие методы которой весьма недавно были опубликованы. Я запомнил, между прочим, что осуществление регионарной анестезии седалищного нерва Браун считает едва ли возможным. У меня возник живой интерес к регионарной анестезии, я поставил себе задачей заняться разработкой новых методов ее». И вот в сентябре 1908 года Войно-Ясенецкий поступает в экстернатуру при Московской хирургической клинике известного профессора — хирурга П.И. Дьяконова.

Оказалось, что профессор Дьяконов ничего не слышал и не знает об этой теме, но с радостью одобрил работу над ней Валентина Феликсовича. В результате кропотливой и упорной работы появились ценные научные результаты. Но финансовые трудности заставили прервать научную работу и продолжить практическую хирургию в земствах. Семья Войно-Ясенецких отправилась в Саратовскую губернию.

В 1909 году Валентин Феликсович уехал в село Романовка Балашовского уезда Саратовской губернии. Здесь он принял больницу на 25 коек. Участок Романовской волости был самым большим в губернии, соответственно этому рост числа заболеваний и госпитализированных больных был значительно выше, чем в других волостях. Молодой и энергичный главврач был единственным хирургом в больнице. На собственные средства он купил микроскоп и после операций готовил и исследовал препараты тканей. В районных больницах этим будут заниматься уже в послевоенные годы; В.Ф. Войно-Ясенецкий делал это в 1909 году.

Переславль-Залесский

В 1909 году Войно-Ясенецкий становится главным врачом городской больницы в Переславле-Залесском, где на 30 койках без электричества, водопровода, рентгеновского аппарата ему удается за год выполнить более 1000 стационарных и амбулаторных операций (такой объем работ выполняют сейчас за год бригады из шести-семи хирургов; при этом для оказания подобной широты операционной помощи понадобятся врачи не менее шести или семи хирургических специальностей). С 1913 года здесь же он начинает заведовать госпиталем для раненых, проводя самые сложные хирургические вмешательства.

В годы Первой мировой войны В.Ф. Войно-Ясенецкий оперировал не только гражданских больных, но и военных, в том числе и раненых пленных. В связи с условиями военного времени в 1914 году больница работала напряженно. «В течение года поступило 1464 больных, 74 из них умерло, 22 после хирургических операций, 52 в терапевтическом отделении. Всего 5% летальности — это небольшой процент, учитывая военное время. Число коек в больнице увеличилось в 1914 году до 84, вследствие открытия заразного лазарета на 16 коек для раненых, поступивших с театра военных действий», — вспоминает Валентин Феликсович. Несомненно, В.Ф. Войно-Ясенецкому в научной и практической хирургической работе помогали его поразительное чувство осязания и талант художника. Очевидцы рассказывают, что действия его как хирурга были необыкновенно точны, соразмерны и виртуозны. «Тончайшее чувство осязания, очевидно, было врожденным у отца. Он как-то, беседуя с нами, его детьми, на эту тему, решил доказать нам это “на деле”. Сложил десять листков тонкой белой бумаги, а затем попросил давать задания: одним взмахом острого (это было обязательным условием!) скальпеля разрезать любое количество листков. Опыт оказался весьма удачным. Мы были поражены!» — позднее рассказывал его сын Михаил.

Из медицинских отчетов того времени видно, что часто услугами хирурга В.Ф. Войно-Ясенецкого пользовались семьи священников, а также насельники Переславских монастырей и монахини Федоровского монастыря, стоящего недалеко от земской больницы.

Продолжает святитель трудиться и над разработкой нового метода местного обезболивания. В 1915 году монография «Регионарная анестезия» под фамилией В.Ф. Войно-Ясенецкого вышла в свет, а в 1916 году автор защитил ее как диссертацию на степень доктора медицины. Работа над диссертацией заняла у него всего восемь месяцев. После блестящей защиты докторской диссертации ему было присвоено звание доктора медицины и вручена награда Варшавского университета за лучшее сочинение, пролагающее новые пути в медицине. И книга, и диссертация получили высочайшие оценки. Известный ученый профессор Мартынов в официальном отзыве как оппонент писал: «Мы привыкли к тому, что докторские диссертации пишутся обычно на заданную тему с целью получения высших назначений по службе, и научная ценность их невелика. Но когда я читал Вашу книгу, то получил впечатление пения птицы, которая не может не петь, и высоко оценил ее». В диссертацию «Регионарная анестезия» были включены отчеты о деятельности Переславской земской больницы, отличные иллюстрации и фотографии (фотографированием святитель начал увлекаться в Переславле).

Занимаясь исследованием и внедрением в практику регионарной анестезии, Валентин Феликсович в это же время задумал изложить свой опыт работы в книге, которую решил озаглавить как «Очерки гнойной хирургии». Вот что вспоминает об этом сам святитель: «...в Переславле пришло мне на мысль изложить свой опыт в особой книге — “Очерки гнойной хирургии”. Я составил план этой книги и написал предисловие к ней. И тогда, к моему удивлению, у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: “Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа”. Быть священнослужителем, а тем более епископом мне и во сне не снилось, но неведомые нам пути жизни нашей вполне известны Всеведущему Богу уже когда мы во чреве матери. Как увидите дальше, уже через несколько лет стала полной реальностью моя неотвязная мысль: “Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа”».

В Переславле-Залесском в 2001 году в память о деятельности В.Ф. Войно-Ясенецкого на здании переславской больницы была открыта мемориальная доска: «Здесь, в бывшей земской больнице, в 1910–1916 гг. работал главным врачом и хирургом профессор медицины святитель Лука, архиепископ Крымский (Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) 27.04.1877–11.06.1961».

Туркестан

Переехать в Среднюю Азию, в сухой жаркий климат, семью Войно-Ясенецких заставила болезнь Анны Васильевны. Супруга Валентина Феликсовича еще в Переславле-Залесском заразилась туберкулезом легких. В Ташкенте ее состояние несколько улучшилось. Шел трагический для всего русского народа семнадцатый год, Гражданская война была в самом разгаре, бушевала она и в Туркестане. В это время Ташкентская городская больница на 1000 коек, куда был назначен главным врачом Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий, очень напоминала земскую: такая же бедность во всем, плохие железные кровати, забитые больными палаты и коридоры. Профессор Ошанин, коллега Валентина Феликсовича, вспоминал, что на улицах Ташкента тогда было далеко не безопасно, нередко были перестрелки. Кто, в

кого, зачем стрелял, не всегда бывало понятно — но жертвы были. Раненых привозили в больницу, и Войно-Ясенецкого нередко вызывали среди ночи на операции. При этом никто и никогда не видел его раздраженным или недовольным. Случалось, раненые поступали один за другим, и он всю ночь оперировал. По свидетельству медицинского персонала, в операционной Валентин Феликсович никогда не повышал голос, говорил спокойно, ровно. С таким хирургом было хорошо работать всем: и ассистентам, и медицинским сестрам. В 1919 году в Ташкенте было жестоко подавлено восстание против новой власти Туркменского полка, началась расправа с участниками контрреволюции. По ложному доносу Войно-Ясенецкий оказался в их числе и провел под арестом сутки. Для многих арест закончился расстрелом. Валентина Феликсовича отпустили, но его жена пережила тяжелое нервное потрясение. Это пагубно сказалось на ее здоровье. Болезнь прогрессировала, и вскоре Анна Васильевна умерла, оставив четверых детей, из которых старшему было двенадцать лет, а младшему — шесть.

В молитве над усопшей женой Валентин Феликсович получил откровение об устройении своих детей в жизни. Вот как он сам вспоминал об этом: «Господу Богу было ведомо, какой тяжелый, тернистый путь ждет меня, и тотчас после смерти матери моих детей Он Сам позаботился о них и мое тяжелое положение облегчил. Почему-то без малейшего сомнения я принял потрясшие меня слова псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Велецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была бездетной, и все мое знакомство с ней ограничивалось только деловыми разговорами, относящимися к операции. И однако слова: неплодную вселяет в дом матерью, радуящуюся о детях (Пс. 112, 9), — я без сомнения принял как Божие указание возложить на нее заботы о моих детях и воспитании их». София Сергеевна Велецкая долго жила в семье Войно-Ясенецких, в семье младшего сына святителя Луки, — вплоть до самой своей смерти. Но, как говорил сам архиепископ Лука, «она была только второй матерью для детей, ибо Всевышнему Богу известно, что мое отношение к ней было совершенно чистым». На могиле же Анны Васильевны был поставлен крест, на котором Валентин Феликсович собственной рукой написал: «Чистая сердцем, алчущая и жаждущая правды...».

Осенью 1920 года открылся Ташкентский университет, одним из инициаторов его открытия стал Валентин Феликсович. Профессор Войно-Ясенецкий возглавил кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии. Он вспоминал об этом так: «Большинство кафедр было замещено избранными из числа ташкентских докторов медицины, и только я один был почему-то избран в Москве на кафедру топографической анатомии и оперативной хирургии».

«Доктор, вам надо быть священником...»

При всей своей загруженности главврача и практикующего хирурга Ташкентской городской больницы, заведующего кафедрой медицинского университета Валентин Феликсович проявлял себя как сознательный и активный член Церкви, болеющий душой за ее судьбы. «Я скоро узнал, что в Ташкенте существует церковное братство, и пошел на одно из заседаний его. По одному из обсуждавшихся вопросов

я выступил с довольно большой речью, которая произвела большое впечатление. Это впечатление перешло в радость, когда узнали, что я главный врач городской больницы. Видный протоиерей Михаил Андреев, настоятель привокзальной церкви, в воскресные дни по вечерам устраивал в церкви собрания, на которых он сам или желающие из числа присутствовавших выступали с беседами на темы Священного Писания, а потом все пели духовные песни. Я часто бывал на этих собраниях и нередко проводил серьезные беседы. Я, конечно, не знал, что они будут только началом моей огромной проповеднической работы в будущем», — вспоминал святитель Лука. На одном из епархиальных съездов Валентин Феликсович выступил с продолжительной и горячей речью. Это стало одним из решающих моментов в его жизни: «Когда кончился съезд и присутствовавшие расходились, я неожиданно столкнулся в дверях с владыкой Иннокентием. Он взял меня под руку и повел на перрон, окружавший собор. Мы обошли два раза вокруг собора, Преосвященный говорил, что моя речь произвела большое впечатление, и, неожиданно остановившись, сказал мне: “Доктор, вам надо быть священником!” ...У меня никогда не было и мысли о священстве, но слова Преосвященного Иннокентия принял как Божий призыв устами архиерея и, ни минуты не размышляя, ответил: “Хорошо, владыко! Буду священником, если это угодно Богу!” ... Уже в ближайшее воскресенье, при чтении часов, я в сопровождении двух диаконов вышел в чужом подряснике к стоявшему на кафедре архиерею и был посвящен им в чтеца, певца и иподиакона, а во время Литургии — и в сан диакона... Через неделю после посвящения во диакона, в праздник Сретения Господня 1921 года, я был рукоположен во иерея епископом Иннокентием». Наряду со священническим служением отец Валентин Войно-Ясенецкий по-прежнему оперировал и преподавал на кафедре в медицинском университете. «Мне пришлось совмещать свое священническое служение с чтением лекций на медицинском факультете, слушать которые приходили во множестве и студенты других курсов. Лекции я читал в рясе с крестом на груди: в то время еще было возможно невозможное теперь. Я оставался и главным хирургом Ташкентской городской больницы, потому служил в соборе только по воскресеньям. Преосвященный Иннокентий, редко проповедовавший, назначил меня четвертым священником собора и поручил мне все дело проповеди. При этом он сказал мне словами апостола Павла: “Ваше дело не крестити, а благовестити”» (ср.: 1 Кор. 1, 17), — вспоминал он. Принятие сана произвело огромную сенсацию в Ташкенте, а сам Войно-Ясенецкий говорил о причинах, побудивших его к началу служения Церкви, так: «При виде кощунственных карнавалов и издевательств над Господом нашим Иисусом Христом мое сердце громко кричало: “Не могу молчать!”. И я чувствовал, что мой долг — защищать проповедью оскорбляемого Спасителя нашего и восхвалять Его безмерное милосердие к роду человеческому». Промысел Божий поставил отца Валентина в это тяжелое и смутное время защитником христианства. Немой проповедью было и то, что лекции в Ташкентском университете он читал неизменно в рясе и с крестом на груди. Кроме проповеди за богослужением, он проводил беседы каждый воскресный день после вечерни в соборе, и это были, как вспоминал сам святитель, «долгие беседы на важные и трудные

богословские темы, привлекавшие много слушателей, целый цикл этих бесед был посвящен критике материализма».

В 1921–1923 годах власти и «живоцерковники», созданные как раскол внутри самой Церкви, устраивали в Ташкенте специальные диспуты с целью атеистической пропаганды. У отца Валентина Войно-Ясенецкого не было специального богословского образования, но его огромная эрудиция, искренняя вера в Бога и знание учения отцов Церкви позволяло одерживать блестящие победы в многочисленных дискуссиях и диспутах. Верующие, да и неверующие всегда были на его стороне. Он сам вспоминал об этом так: «...мне приходилось в течение двух лет часто вести публичные диспуты при множестве слушателей с отрекшимся от Бога протоиереем Ломакиным, бывшим миссионером Курской епархии, возглавлявшим антирелигиозную пропаганду в Средней Азии.

Как правило, эти диспуты кончались посрамлением отступника от веры, и верующие не давали ему прохода вопросом: “Скажи нам, когда ты врал: тогда, когда был попом, или теперь врешь?”. Несчастный хулиатель Бога стал бояться меня и просил устроителей диспутов избавить его от “этого философа”... Однажды, неведомо для него, железнодорожники пригласили меня в свой клуб для участия в диспуте о религии. В ожидании начала диспута я сидел на сцене при опущенном занавесе и вдруг вижу — поднимается на сцену по лестнице мой всегдашний противник. Увидев меня, крайне смутился, пробормотал: “Опять этот доктор”, поклонился и пошел вниз. Первым говорил на диспуте он, но, как всегда, мое выступление совершенно разбило все его доводы, и рабочие наградили меня громкими аплодисментами». Отец Валентин Войно-Ясенецкий готов был мужественно отстаивать свою веру перед всеми, в том числе и перед представителями безбожной власти. Пример этого можно найти в его автобиографии, когда он выступал в качестве защитника в так называемом «деле врачей», сфабрикованном властями. «“Как это вы верите в Бога, поп и профессор Ясенецкий-Войно? Разве вы его видели, своего Бога?” — спрашивал чекист Петерс. “Бога я действительно не видел, гражданин общественный обвинитель,— отвечал отец Валентин.— Но я много оперировал на мозге и, открывая черепную коробку, никогда не видел там также и ума. И совести там тоже не находил”. (Колокольчик председателя потонул в долго не смолкавшем хохоте всего зала.)».

Исповедничество

Церковная жизнь в Ташкенте постепенно ухудшалась. Это было связано с тем, что обновленцы, пользуясь поддержкой ОГПУ, захватывали храмы, изменяя богослужения и весь строй церковной жизни. Отец Валентин Войно-Ясенецкий бесстрашно призывал свою паству не впадать в самый большой грех — раскола и ереси. После отъезда из города правящего архиерея народ единодушно избрал отца Валентина его преемником, и 31 мая 1923 года Войно-Ясенецкий, принявший монашеский постриг с именем апостола Луки, стал епископом. Вот как вспоминал свою первую архиерейскую службу святитель Лука: «На воскресенье, 21 мая, день памяти равноапостольных Константина и Елены, я назначил свою первую архиерейскую службу. Преосвященный Иннокентий уже уехал. Все священники кафедрального собора разбежались, как крысы с тонущего корабля, и свою первую

воскресную всенощную и Литургию я мог служить только с одним протоиереем Михаилом Андреевым. ...На моей первой службе в алтаре присутствовал Преосвященный Андрей Уфимский; он волновался, что я не сумею служить без ошибок. Но, по милости Божией, ошибок не было».

Реакция власти на появление в Туркестане правящего архиерея, который был знаменитым хирургом, профессором и ученым, не замедлила проявиться. Сразу же стали приниматься меры по дискредитации епископа в официальной печати, содержащие ясный призыв к властям — возбудить уголовное дело против Войно-Ясенецкого. 10 июня 1923 года епископ Лука был арестован. Вот как он сам вспоминал свой первый арест: «Я спокойно отслужил вторую воскресную всенощную. Вернувшись домой, я читал правило ко Причащению Святых Тайн. В 11 часов вечера — стук в наружную дверь, обыск и первый мой арест. Я простился с детьми и Софией Сергеевной и в первый раз вошел в “черный ворон”, как называли автомобиль ГПУ. Так положено было начало одиннадцати годам моих тюрем и ссылок». В тюремной камере в Ташкенте святитель пишет завещание своей пастве, в котором предостерегает от молитвенного общения с раскольниками-обновленцами и их епископом, которого он называет диким вепрем: «Внешностью богослужения, творенного вепрем, не соблазняться и поругания богослужения, творимого вепрем, не считать богослужением. Идти в храмы, где служат достойные иереи, веprü не подчинившиеся. Если и всеми храмами завладеет веprü, считать себя отлученными Богом от храмов и ввергнутыми в голод слышания слова Божия». Завещание было передано на волю одним верующим работником тюрьмы. Оно быстро разошлось среди паствы святителя Луки, и храмы, где служили раскольники, опустели.

Во время пребывания в тюрьме святитель закончил последнюю главу книги «Очерки гнойной хирургии», над которой он трудился более 20 лет, называемую «О гнойном воспалении среднего уха и осложнениях его». Вот что вспоминает сам святитель: «Я обратился к начальнику тюремного отделения, в котором находился, с просьбой дать мне возможность написать эту главу. Он был так любезен, что предоставил мне право писать в его кабинете по окончании его работы. Я скоро окончил первый выпуск своей книги. На заглавном листе я написал: “Епископ Лука. Профессор Войно-Ясенецкий. Очерки гнойной хирургии”. Так удивительно сбылось таинственное и непонятное мне Божие предсказание об этой книге, которое я получил еще в Переславле-Залесском несколько лет назад: “Когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа”».

«Очерки гнойной хирургии» были изданы четырежды: в 1934-м, 1946-м, 1956-м и 2000 годах. В предисловии к первому изданию епископ Лука писал, что эта книга подводит итог его многолетним наблюдениям в области гнойной хирургии.

Аресты и ссылки

После длительного следствия мерой наказания для святителя Луки определили ссылку в город Енисейск Красноярского края. Туда его отправили в начале зимы 1923 года. В Енисейске на квартире святитель Лука и другие ссыльные священнослужители совершали по воскресеньям и другим праздничным дням всенощное бдение и

Литургию. Вот что вспоминает об одной такой службе святитель: «В один из праздничных дней я вошел в гостиную, чтобы начать Литургию, и неожиданно увидел стоявшего у противоположной двери незнакомого старика-монаха. Он точно остолбенел при виде меня и даже не поклонился. Придя в себя, он сказал, отвечая на мой вопрос, что в Красноярске народ не хочет иметь общения с неверными священниками и решил послать его в город Минусинск, верст за триста к югу от Красноярска, где жил православный епископ, имени его не помню. Но к нему не поехал монах Христофор, ибо какая-то неведомая сила увлекла его в Енисейск ко мне. “А почему же ты так остолбенел, увидев меня?” — спросил я его. “Как было мне не остолбенеть?! — ответил он.— Десять лет тому назад я видел сон, который как сейчас помню. Мне снилось, что я в Божием храме и неведомый мне архиерей рукополагает меня во иеромонаха. Сейчас, когда Вы вошли, я увидел этого архиерея!” Монах сделал мне земной поклон, и за Литургией я рукоположил его во иеромонаха. Десять лет тому назад, когда он видел меня, я был земским хирургом в городе Переславле-Залесском и никогда не помышлял ни о священстве, ни об архиерействе. А у Бога в то время я уже был епископом. Так неисповедимы пути Господни».

В Енисейске святитель работал в городской больнице, где блестяще выполнял хирургические, гинекологические, глазные и другие операции, а также вел большой прием у себя на квартире. Сам владыка вспоминал: «Мой приезд в Енисейск произвел очень большую сенсацию, которая достигла апогея, когда я сделал экстракцию врожденной катаракты трем слепым маленьким мальчикам-братьям и сделал их зрячими». Но возрастающая популярность ссыльного епископа сделала невыносимым его пребывание со стороны местных властей, кроме того, благодаря активной проповеднической деятельности святителя православное население Енисейска перестало посещать обновленческие церкви и окормлялось у святителя Луки. В результате из Енисейска уже местные власти переправили ссыльного в еще более глухой край — в Туруханск.

По воспоминаниям святителя, его встретили очень хорошо: «В Туруханске, когда я выходил из баржи, толпа народа, ожидавшая меня, вдруг опустилась на колени, прося благословения. Меня сразу же поместили в квартире врача больницы и предложили вести врачебную работу. Незадолго до этого врач больницы, поздно распознав у себя рак нижней губы, уехал в Красноярск, где ему была сделана операция, уже запоздалая, как оказалось впоследствии. В больнице оставался фельдшер, и вместе со мной приехала сестра из Красноярска — молодая девушка, только что окончившая фельдшерскую школу и очень волновавшаяся от перспективы работать с профессором. С этими двумя помощниками я делал такие большие операции, как резекция верхней челюсти, большие чревосечения, гинекологические операции и немало глазных».

Работая в больнице, владыка, как и раньше, благословлял больных. По воскресеньям и праздничным дням святитель совершал богослужения в церкви, которая находилась на расстоянии чуть меньше километра от больницы, но прихожане решили, что выезд архиерея в храм должен происходить с большим почетом, на покрытых ковром санях. Духовная жизнь с прибытием в Туруханск святителя заметно оживилась. Местная община подчинялась Красноярскому живоцерковному

раскольническому архиерею. Владыка Лука своей проповедью о грехе раскола и неканоничности обновленческой церкви привел к покаянию всю туруханскую паству, присоединив ее к законной Православной Церкви, возглавляемой Патриархом-исповедником Тихоном. Все это послужило поводом к дальнейшей высылке святителя.

В зимнюю стужу 1924–1925 годов архиепископа Луку отправили в енисейскую глухомань за сотни километров севернее Полярного круга. Палачи, видимо, рассчитывали на верную гибель ссыльного. Условия, в которых оказался святитель, были очень тяжелые. Это была плохо отапливаемая в лютый мороз изба, с льдинами вместо окон и никогда не тающим снегом на полу, но и здесь святитель был истинным пастырем стада Христова. Вместе с немногочисленными жителями поселения он читал Евангелие, крестил их детей. Но и Плахино не стало постоянным местом ссылки — святителя возвратили в Туруханск, где он пробыл еще восемь месяцев. Срок ссылки истек в январе 1926 года, и святитель вернулся в Красноярск на санях по замерзшему Енисею. На протяжении этого длинного и трудного пути его неизменно встречали толпы народа, и он совершал богослужения в переполненных храмах, много проповедовал.

С 1927 по 1930 год епископ жил в Ташкенте как частное лицо, так как был лишен и епископской, и университетской кафедры. Он вспоминал: «Занимаясь только приемом больных у себя на дому, я, конечно, не переставал молиться в Сергиевском храме на всех богослужениях, вместе с митрополитом Арсением стоя в алтаре». При этом владыка не только лечил, но и оказывал материальную помощь неимущим пациентам. Однажды он приютил брата и сестру, отец которых умер, а мать попала в больницу. Вскоре девочка стала помогать ему во врачебных приемах. Владыка постоянно посылал ее по городу разыскивать больных бедняков. Другая девочка, которой он помог, вспоминала о беседах с епископом Лукой: «Любой разговор как-то сам собой поворачивался так, что мы стали понимать ценность человека, важность нравственной жизни».

В 1930 году его вновь арестовали. Теперь — по обвинению в выдаче «ложной справки о самоубийстве» профессора Михайловского, который находился в состоянии душевной болезни. Этот документ разрешал отпевание, но он же послужил формальным поводом к аресту святителя. Итог следствия в ОГПУ — «выслать в Северный край сроком на 3 года». Владыка Лука в автобиографии вспоминал истинные причины ареста: «23 апреля 1930 года я был вторично арестован. На допросах я скоро убедился, что от меня хотят добиться отречения от священного сана». Ссылку в Архангельск сам владыка считал весьма легкой, в городе он работал хирургом в большой амбулатории. Ссылка закончилась в ноябре 1933 года. Вернувшись в Ташкент, он не смог найти работы. Место врача в районной больнице ему дали в небольшом среднеазиатском городке Андижан. А через год он вернулся в Ташкент, где в городской больнице заведовал гнойным отделением.

Осенью 1934 года в Медгизе вышло первое издание книги «Очерки гнойной хирургии», ставшей практически пособием для нескольких поколений хирургов. Но не только технической стороне постановке диагнозов и оперативным методам лечения учит святитель на страницах этой книги — подлинно человеческим отношением к больному, христианским милосердием дышат подобные строки:

«Приступая к операции, надо иметь в виду не только брюшную полость и тот интерес, который она может представить, а всего больного человека, который, к сожалению, так часто у врачей именуется “случаем”. Человек в смертельной тоске и страхе, сердце у него трепещет не только в прямом, но и в переносном смысле...». На протяжении всей книги перед читателем проходят яркие образы людей с их страданиями и немощью. В предисловии к пятому изданию «Очерков гнойной хирургии» говорится, что «по своим научным, клиническим и литературным достоинствам книга В.Ф. Войно-Ясенецкого представляется уникальной, не имеющей аналогов в мировой медицинской литературе. Скромно названная автором “очерками”, она справедливо может считаться “Энциклопедией гнойной хирургии” или “Энциклопедией пиологии”».

В 1935–1936 годах епископ работал в Ташкенте в Институте неотложной помощи, читал лекции в Институте усовершенствования врачей. Утро владыки начиналось в семь часов с молитвы в храме, где он служил и проповедовал по воскресным и праздничным дням.

В 1937 году святителя Луку обвинили в шпионаже в пользу иностранной разведки. Для сфабрикованного дела необходимы были ложные признания, их выбивали из владыки多月месячными пытками и издевательствами. Сам архиепископ говорил об этом так: «Был изобретен так называемый допрос конвейером, который дважды пришлось испытать и мне. Этот страшный конвейер продолжался непрерывно день и ночь. Допрашивавшие чекисты сменяли друг друга, а допрашиваемому не давали спать ни днем, ни ночью. Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации, сменявшие одна другую. То мне казалось, что по комнате бегают желтые цыплята, и я ловил их. То я видел себя стоящим на краю огромной впадины, в которой расположен целый город, ярко освещенный электрическими фонарями. Я ясно чувствовал, что под рубахой на моей спине извиваются змеи. От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой».

Милостью Божией владыка, которому к тому времени было уже 60 лет, с крайне подорванным в предыдущих ссылках здоровьем выдержал и эти мучения. Следствие, как и перед предыдущими двумя ссылками, зашло в тупик, поскольку святитель не признавал ложные обвинения. Но, несмотря на это, епископа осудили и отправили в пятилетнюю ссылку в Красноярский край. Пригнали епископа Луку в село Большая Мурта, расположенное в 130 верстах к северу от Красноярска. Там в районной больнице святитель развил активную хирургическую деятельность, а из Ташкента владыке присылали много историй болезни пациентов с гнойными заболеваниями для нового издания «Очерков гнойной хирургии». Эта книга вместе с монографией «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» стала большим подспорьем в работе фронтовых хирургов в Великую Отечественную войну 1941–1945 годов.

Великая Отечественная война. Архиерейское служение в Красноярске

С началом войны с фашистской Германией владыка из ссылки пишет телеграмму на имя Калинина: «Я, епископ Лука, профессор Войно-Ясенецкий, отбываю ссылку в поселке Большая Мурта Красноярского края. Являясь специалистом по гнойной хирургии, могу оказать помощь воинам в условиях фронта или тыла, там, где будет мне доверено.

Прошу ссылку мою прервать и направить в госпиталь. По окончании войны готов вернуться в ссылку. Епископ Лука». Его незамедлительно назначили главным хирургом эвакогоспиталя № 15-15 в Красноярске. Два года он с полной отдачей сам лечил офицеров и солдат. «Раненые офицеры и солдаты очень любили меня. Когда я обходил палатки по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами», — вспоминал он. Приезжавший в госпиталь инспектор профессор Приоров говорил, что ни в одном из эвакуационных госпиталей не наблюдалось подобных блестящих результатов лечения раненых, как у владыки Луки.

До 1943 года владыка был лишен возможности совершать богослужения, так как в Красноярске, городе с многотысячным населением, последнюю из множества церквей закрыли перед войной. И вот в марте 1943 года святителя назначили архиепископом Красноярским. Он писал сыну: «Господь послал мне несказанную радость. После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским... Конечно, я буду продолжать работу в госпитале, к этому нет никаких препятствий». Признание святителя в светских кругах росло, он вспоминал: «Почет мне большой: когда вхожу в большие собрания служащих или командиров, все встают». Конечно же, владыка знал об изменении отношения государства к Церкви в связи с войной и мировым положением страны, но в то же время в одном из писем сыну есть такие строки: «В Красноярске, в “кругах” говорили обо мне: “Пусть служит, это политически необходимо”. ...Я писал тебе, что дан властный приказ не преследовать меня за религиозные убеждения. Даже если бы не изменилось столь существенно положение Церкви, если бы не защищала меня моя высокая научная ценность, я не поколебался бы снова вступить на путь активного служения Церкви. Ибо вы, мои дети, не нуждаетесь в моей помощи, а к тюрьме и ссылкам я привык и не боюсь их». «О, если бы ты знал, как туп и ограничен атеизм, как живо и реально общение с Богом любящих Его...» И в другом письме: «Я подлинно и глубоко отрекся от мира и от врачебной славы, которая, конечно, могла бы быть очень велика, что теперь для меня ничего не стоит. А в служении Богу вся моя радость, вся моя жизнь, ибо глубока моя вера. Однако и врачебной, и научной работы я не намерен оставлять».

В Красноярске началась переписка святителя с митрополитом Сергием Страгородским, которая имела немаловажное значение для подготовки Собора епископов Русской Православной Церкви 1943 года для избрания Патриарха всея Руси. Архиепископ Лука принял

непосредственное участие в составлении документов Собора. Он был членом Священного Синода.

Тамбовская епархия

Красноярская ссылка закончилась в конце 1943 года. Святителя сразу же назначили архиепископом Тамбовской епархии, где он в течение двух лет одновременно работал хирургом в госпиталях и служил в церкви. В управлении епархией архиепископ Лука сразу столкнулся со множеством трудностей. Тамбовский храм, долгие годы содержавший под своей кровлей рабочие общежития, доведен был до последней степени запустения. Обитатели его раскололи иконы, сломали и выбросили иконостас, исписали стены ругательствами. Владыка Лука без жалоб принял наследие атеистов, начал ремонтировать храм, собирать причт, вести службы, продолжая и врачебную работу, которой оказалось еще больше, чем в Красноярске. На попечении Тамбовского архиепископа теперь находилось 150 госпиталей, от 500 до 1000 коек в каждом. Также он консультировал хирургические отделения большой городской больницы. Владыка Лука по-прежнему был готов работать сутками, несмотря на то, что ему было уже под 70. В письме сыну он писал: «Приводим церковь в благолепный вид... Работа в госпитале идет отлично... Читаю лекции врачам о гнойных артритях... Свободных дней почти нет. По субботам два часа принимаю в поликлинике. Дома не принимаю, ибо это уже совсем непосильно для меня. Но больные, особенно деревенские, приезжающие издалека, этого не понимают и называют меня безжалостным архиереем. Это очень тяжело для меня. Придется в исключительных случаях и на дому принимать».

«Моя слава — большое торжество для Церкви...»

В конце 1945 года владыку и его секретаря пригласили в облисполком, чтобы вручить им медали «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». После вручения медалей председатель сказал, что хотя труд Войно-Ясенецкого как консультанта эвакогоспиталя завершен (госпитали эти осенью 1944 года покинули Тамбов и двинулись дальше на запад), но он надеется, что профессор и впредь будет делиться своим большим опытом с медиками города. Архиепископ Лука ответил ему следующее: «Я учил и готов учить врачей тому, что знаю; я вернул жизнь и здоровье сотням, а может быть, и тысячам раненых и наверняка помог бы еще многим, если бы вы (он подчеркнул это “вы”, давая понять слушателям, что придает слову широкий смысл) не схватили меня ни за что ни про что и не таскали бы одиннадцать лет по острогам и ссылкам. Вот сколько времени потеряно и сколько людей не спасено отнюдь не по моей воле». У областного начальства эти слова вызвали шок. Какое-то время в президиуме и в зале царил тягостная тишина. Кое-как придя в себя, председатель залепетал, что прошлое пора-де забыть, а жить надо настоящим и будущим. И тут снова раздался басовитый голос владыки Луки: «Ну нет уж, извините, не забуду никогда!».

За опубликованные труды «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных ранениях больших суставов» владыке присудили Сталинскую премию I степени с денежным вознаграждением. Его он пожертвовал сиротам и вдовам воинов, павших в Отечественной войне. «Множество поздравлений отовсюду,—

писал владыка Лука после получения премии.— Патриарх, митрополиты, архиереи, Карпов (Председатель Совета по делам РПЦ), Митярев, Третьяков, Академия медицинских наук, Комитет по делам высшей школы, Богословский институт, профессора и проч., и проч. Превозносят чрезвычайно... Моя слава — большое торжество для Церкви, как телеграфировал Патриарх». Это и было самой большой наградой для владыки Луки — слава матери Церкви, за которую он готов был претерпеть любые мучения и даже смерть. Владыка Лука считал, что его научный труд привлечет к Православию многих интеллигентов. Так оно и было. В одной передаче радиостанции Би-би-си того времени сообщалось, что группа французских юношей и девушек перешла в Православие, сославшись в своей декларации на христианских ученых в СССР — Ивана Павлова, Владимира Филатова и архиепископа Луку (Войно-Ясенецкого). «Сегодня подтвердилось мое мнение, что я немалый козырь для нашего правительства,— писал владыка Лука сыну.— Приехал специально посланный корреспондент ТАСС, чтобы сделать с меня портреты для заграничной печати. А раньше из Патриархии просили прислать биографию для журнала Патриархии и для Информбюро. Два здешних художника пишут мои портреты. Только что вернувшийся из Америки Ярославский архиепископ уже читал там в газетах сообщения обо мне, как об архиепископе-лауреате Сталинской премии... Завтра приедет из Москвы скульптор лепить мой бюст...».

За большие заслуги перед Русской Церковью архиепископ Тамбовский и Мичуринский Лука в феврале 1945 года был награжден Патриархом Алексием (Симанским) правом ношения бриллиантового креста на клобуке. Это была высшая архиерейская награда. В эти же годы (1945–1947) святитель пишет богословский труд «Дух, душа и тело», который считал главным трудом своей жизни (эта книга была издана только в 1992 году). «Дух, душа и тело» является трудом апологетическим, направленным к материалистически настроенной интеллигенции. Поэтому взаимоотношения духа, души и тела святитель рассматривал с точки зрения науки: физики и медицины; подводил под свои выкладки философское обоснование, а выводы его зиждутся на основательной базе Священного Писания. Вместе с читателем святитель Лука проходит путь от знания к вере — в отличие от того, как воспринимает мир верующий человек, идя от веры к знаниям. Для самого святителя Луки, крупного ученого и богослова, не было разрыва веры и разума, науки и религии, и Божий мир воспринимался им как целое. Отсюда и его потребность как талантливого ученого и человека, наделенного благодатью веры, дать свое целостное видение мира и человека для следующих поколений.

В настоящее время в Тамбове открыт музей истории медицины, в основе экспозиции которого представлены фотографии святителя Луки, его документы, личные вещи, хирургические инструменты, прижизненные издания научных работ, тексты проповедей. Тамбовская городская больница носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого). В 1993 году больницу освятил Святейший Патриарх Алексий II. На территории больницы установлен памятник профессору медицины архиепископу Луке.

Крымская епархия

В связи с назначением на Симферопольскую и Крымскую кафедру 26 мая 1946 года владыка переехал в Симферополь. Сам святитель вспоминал: «В мае 1946 года я был переведен на должность архиепископа Симферопольского и Крымского. Студенческая молодежь отправилась встречать меня на вокзал с цветами, но встреча не удалась, так как я прилетел на самолете. Это было 26 мая 1946 года». В Симферополе, в отличие от других городов, святителю Луке не дали возможности заниматься лечением больных и научной деятельностью, хотя он и продолжал принимать безвозмездно больных на дому. Несколько раз владыка выступал с чтением лекций и докладов по вопросам гнойной хирургии в разных местах Крыма, но рост его популярности беспокоил партийные органы. На докладах святителя атеистически настроенные профессора требовали, чтобы владыка выступал в гражданской одежде. Узнав это, святитель Лука сказал: «Что им далась моя ряса, не все ли равно, как я одет и что на мне, я же не читаю врачам лекции по богословским наукам, а только по вопросам хирургии».

В результате сложившейся ситуации святитель Лука решил оставить активную медицинскую деятельность и направить все силы на управление епархией, которая после войны была в полном упадке. Несмотря на преклонный возраст и подорванное десятилетиями ссылок и тюрем здоровье (в частности, частичную потерю зрения), святитель часто сам ездил по приходам для ознакомления с приходской общиной и состоянием храмов.

Так, например, в 1947 году владыка объехал 50 приходов епархии из 58, повсюду служил и проповедовал. В отчете за этот год святитель писал о том, что Крымская епархия одна из самых бедных: бытовые условия многих священников плачевны и нетерпимы, их доходы менее чем нищенские. У священника ялтинской церкви сумма доходов едва покрывала скромный постный стол, а на одежду и обувь ничего не оставалось. Многие священники вследствие такого положения вынуждены были наниматься на тяжелые черные работы. Жилищные условия духовенства также были довольно тяжелыми. Среди церковных старост было много воров, расхищавших церковные доходы. По отзывам крымских старожилов, религиозность русского населения Крыма всегда была низкая, и церкви поддерживались главным образом греками и болгарями, которые во время войны были выселены из Крыма.

Верующих отвлекали от Церкви запрещением учителям и школьникам ходить в храм. Над школьниками, посещавшими церкви, издевались, на родительских собраниях всячески высмеивались верующие. Плохо обстояли дела с церквями Крымской епархии. Уполномоченные по делам религии писали о том, что многие церкви в Крыму давно бы перестали существовать, если бы архиепископ Лука не поддерживал их материально, не переводил бы священников в пустующие храмы. Но положение с кадрами в епархии было катастрофическое, священников не хватало. Священников же из других епархий в Крыму не прописывали, и они вынуждены были уезжать, духовных школ в епархии не было, и богословский уровень подготовки священнослужителей оставлял желать лучшего.

С помощью указов святитель старался повысить духовный уровень священнослужителей, давая распоряжение служить ежедневно даже в

сельских храмах. «Если будет знать верующий народ, что каждое утро открыт храм, что даже при невозможности ежедневно совершать в нем Божественную литургию читаются в нем часы и служитя обедница, то сила Божия упрочит благочестие, привлечет в храмы все больше людей, видящих, что священник каждый день молится о них», — писал святитель духовенству епархии.

В годы управления Крымской епархией Высокопреосвященнейший Лука произнес большую часть своих проповедей. Он начал проповедовать еще в Ташкенте, но по причине ареста и ссылки многие годы вынужден был молчать. Однако с весны 1943 года, когда в Красноярске открылся храм, и до конца жизни архиепископ Лука проповедовал неустанно: писал проповеди, произносил их, правил, рассылал листки с текстом по городам страны. «Считаю своей главной архиерейской обязанностью везде и всюду проповедовать о Христе», — говорил он. По тем временам проповеди архипастыря были очень смелыми. Он открыто и безбоязненно высказывал свои мысли по актуальным вопросам: «Теперь у нас Церковь отделена от государства. Это хорошо, что государство не вмешивается в дела Церкви, но в прежнее время Церковь была в руках правительства, царя, а царь был религиозным, он строил церкви, а теперь такого правительства нет. Наше правительство атеистическое, неверующее. Осталась теперь горсточка верующих русских людей, и терпят беззакония другие... Вы скажете, правительство вам, христианам, нанесло вред. Ну что же, да, нанесло. А вспомните древние времена, когда ручьями лилась кровь христиан за нашу веру. Этим только и укрепляется христианская вера. Это все от Бога».

Проповеди святителя составляют 12 томов. В 1957 году в Московской Духовной Академии была создана специальная комиссия под председательством профессора гомилетики протоиерея Александра Ветелева для изучения проповедей святителя Луки. В заключении комиссии было сказано, что проповеди архиепископа Луки, его труд «Дух, душа и тело» представляют исключительное явление в современной церковно-богословской литературе, а святитель был удостоен звания почетного члена Московской Духовной Академии. Сам святитель писал, что проповедями будут пользоваться только в библиотеке Академии, они не увидят свет до изменения отношения правительства к Церкви. В наши дни, к великой радости верующих, труды святителя стали доступны широкому кругу читателей. В 1958 году владыка Лука полностью ослеп. Несмотря на это, до конца жизни он продолжал архиерейскую службу, выступал с проповедями перед прихожанами и настолько точно исполнял все детали службы, что никто не мог догадаться о слепоте пастыря.

Блаженная кончина святителя Божия

11 июня 1961 года, в день всех святых, в земле Российской просиявших, архиепископ Лука скончался. Прощаться с великим архиереем вышел весь город: люди заполнили крыши, балконы, сидели даже на деревьях. Огромная процессия в течение нескольких часов провожала своего пастыря под пение «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Безсмертный, помилуй нас!» через весь город. Его похоронили на маленьком церковном кладбище при Всехсвятском храме Симферополя, куда позднее ежедневно приезжали и приходили родственники и

православные странники, больные, ищущие исцеления,— и каждый получал искомое. Архипастырь и после смерти своей Святым Духом продолжал исцелять людей, о чем собраны многочисленные устные и письменные свидетельства.

Почти 35 лет мощи святого покоились в земле.

22 ноября 1995 года архиепископ Симферопольский и Крымский Лука был причислен Православной Церковью к лику местночтимых святых Крыма. Его мощи были перенесены в кафедральный Свято-Троицкий собор Симферополя 17–20 марта 1996 года. На панихиде Высокопреосвященнейший владыка Лазарь, архиепископ Симферопольский и Крымский, отметил: «Впервые на Крымской земле происходит событие исключительной важности. Яркая личность архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) видится нам сегодня спасительным маяком, к которому каждый из нас должен направлять свой взор, по которому должны ориентироваться общественные силы, ищущие возрождения нашего народа».

В крестном ходе от могилы до кафедрального собора участвовало около 40 тысяч человек. В Симферопольской и Крымской епархии торжество прославления святителя Крымского Луки состоялось 24–25 мая 1996 года.

В 2000 году на Юбилейном Архиерейском Соборе святитель Лука (Войно-Ясенецкий) был прославлен в лике святых новомучеников и исповедников Российских для общецерковного почитания. Память ему установлена 11 июня, а также 25 января (7 февраля) — вместе со святыми новомучениками и исповедниками Российскими и 15 (28 декабря) — собор всех Крымских святых.

В Симферополе, в парке, который носит имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого), установлен памятник святому. В архиерейском доме, где жил и трудился святитель Лука с 1946 по 1961 год, находится часовня. Верующие греки в благодарность за исцеление от болезней по молитвам святого пожертвовали на изготовление раки для мощей святителя 300 килограммов серебра.

Подвиг святителя Луки — подвиг ревностного стояния в православной вере в смутную эпоху явных и тайных перерождений — ныне особенно актуален. И многие из нас сегодня с надеждой и любовью произнесут: «Святителю отче Луко, моли Бога о нас!».

Саратовская епархия

В Саратовской области почитание святителя Луки (Войно-Ясенецкого) возрастает с каждым годом. Так, на здании романовской больницы, где работал святитель Лука в 1909 году, размещена мемориальная доска. В поселке Шиханы Вольского района больничный храм освящен во имя святителя Луки.

По инициативе и при участии руководства Саратовского государственного медицинского университета, медицинского персонала 3-й городской клинической больницы города Саратова в 2007 году было начато строительство храма во имя святителя Луки (Войно-Ясенецкого). Первый символический камень в основание храма после совершения молебна заложили Епископ Саратовский и Вольский Лонгин, ректор СГМУ П.В. Глыбочко и главный врач больницы В.В. Рощепкин. Строительство храма шло быстрыми темпами, и уже 10 июня 2009 года, в день празднования 100-летия открытия университета, накануне дня

памяти святителя Луки, было совершено освящение храма и первая Литургия в нем.

Тропарь, кондак, величание

Тропарь, глас 1

Возвестителю пути спасительнаго, / исповедниче и архипастырю
Крымския земли, / истинный хранителю отеческих преданий, / столпе
непоколебимый, Православия наставниче, / врачу богомудрый
святителю Луко, / Христа Спаса непрестанно моли, / веру непоколебиму
православным даровати, // и спасение, и велию милость.

Кондак, глас 1

Якоже звезда всесветлая, добродетельми сияючи, / был еси, святителю,
/ душу же равноангельну сотвори, / сего ради святительства саном
почется, / во изгнании же от безбожных много пострада, / и
непоколебим верою пребыв, / врачебною мудростию многия исцелил
еси. / Темже ныне честное тело твое от земленных недр обретенное
дивно Господь прослави, / да вси вернии вопием ти: / радуйся, отче
святителю Луко, // земли Крымския похвало и утверждение.

Величание

Величаем тя, / исповедниче Христов, святителю отче наш Луко, / и чтим
святую память твою, / ты бо молиши о нас // Христа Бога нашего.

**Канон священноисповеднику Луке, архиепископу
Симферопольскому и Крымскому**

Глас 8

Песнь 1

Ирмос: Дивному Богу величия принесем, и великолепно с нами да
воспоют земля и небо ясно славу Его.

Святительский престол во граде Симферополе украси светло, в немже
пожив, яко Ангел, святым житием и учением Божественным освятил
еси люди, да вси приносят величия Божия и поют славу Его.

Вседержителя и Господа о нас моли, святителю Луко, даровати нам
оставление прегрешений, да с тобою дивному Богу величия принесем и
воспоем славу Его.

Явился еси ныне в памяти твоей Крымстей пастве, исповедниче
Христов, столп непоколебимый и стено нерушимая, болящим утешение,
грешников споручниче, Богу величия принося и воспевая славу Его.

Богородичен: Тя призывающим спасительное еси Пристанище и
Покров, Богородительнице Пречистая, темже от души призываем Тя
тепле: Владычице, спаси ны и научи нас дивному Богу величия
приносить и воспевати славу Его.

Песнь 3

Ирмос: Уподобил мя, Христе, умно горе Сионстей, возвысивый и
утвердивый в надежди о Тебе и искапавый росу благодати,
Человеколюбче.

Источил еси, святителю, учения реки благодатныя и всяку душу благочестивых напоил еси, многия исцелил еси и о всех усердне молился, да искапает росу благодати Свояя Человеколюбец.

Труды твоими, яко добрый пастырь, святителю Луко, указал еси людям путь в Царство Небесное и за подвиги твоя от Бога венчан славою на небеси, Егоже моли, да ниспослет и нам росу благодати Свояя Человеколюбец.

Егда волею Божиею изгнание в Сибирь и темницы, и многия скорби наидоша на тя, тогда терпением мужемудренно вся победил еси, исповедав Христа и моля Его, да источит на вся росу благодати Свояя, яко Человеколюбец.

Богородичен: Любити убо Тя, Пречистая Богомати, и песнию прославляти Тебе научает нас великий Архангел и звати, Богоневесто, еже радуйся, яко Господь с Тобою: радуйся, Радосте Ангелов и всех человеков.

Песнь 4

Ирмос: Всел еси на кони, апостоли Твоя, Господи, и приял еси рукама Твоима узды их, и спасение бысть еждение Твое верно поющим: слава силе Твоей, Господи.

Юже стяжал еси честною Твоею Кровию, Церкви Твоея, Христе, чада утверди и направи на путь мира, тако воздыхал еси к Сыну Божию, святителю отче наш Луко, преподобней свои руке о пастве воздеваяй. Любы николиже отпадает, глаголет Божественный Дух устами апостола Павла. В твоих деннонощных трудах исцелений недужных любовь твоя известися, угодниче Христов, и сию явил еси в милосердии, непрестанно вдов питая и сирых, и немощных.

Ученьми, мудре святителю, стадо твое утвердил еси в вере и доброделанием твоим Церкви был исповедник и учитель, Луко.

Богородичен: Крепость наша Ты еси, Пречистая Богомати, Твоими бо мольбами и святителя Луки избавихомся вси от страстей, и бед, и обстояний, и недугов многообразных, Спасу Христу зовуще: слава силе Твоей, Господи.

Песнь 5

Ирмос: Повеления Твоя просвещением, Христе Боже, яко Благ, показал еси, зане, Светодавче, от нощи утреннюю, славу возсылаем.

Единицу несозданную богословил еси, Троицу Святую Бога нашего, и человеческого естества состав в душе, души и телеси священными богословии твоими научил еси.

Умом чистым и писании духовными назидал еси, богоглаголив Луко, образ был еси всей богоданной пастве твоей, словом и житием, любовию, верою и чистотою.

Смотрением Божиим и святительским благословением рукою моею приносимое тебе и твоим трудом похваление, святителю Луко, не отрини, но прими и моли Христа Бога, да избавит мя шуияго стояния и сподобит Небеснаго Царствия Своего.

Богородичен: Едина Чистая, Богородительнице, не презри молений раб Твоих, прими сия молитвы ради угодника Твоего святителя Луки и принеси ко престолу Сына Твоего, да спасет души наша.

Песнь 6

Ирмос: Отвергл мя еси во глубины сердца морского, и видех чудеса Твоя, Господи.

Ризную худость имел еси, пребогате, вся бо своя неимущим раздавая, сироты и вдовы питая, рачитель же Милостиваго Спасителя Христа быв.

Духовная жизни всем людям страны наша учитель был, благочестием украшаяся, гордыню посекал еси, блаженне, духовным мечем, пастыри назирая и утверждая.

На пажити Божественной труждаяся, архиерей сый, архипастырем нашим в молитвах пособствуй, да право правят слово истины, Церковь Православную огради, страну нашу сохрани, веру в нас умножи, да славим Христа во веки.

Богородичен: Отроковице Богоизбранная, восхваляем Тя вси и верно молимся, Дево Марие: моление наше прими и прошения исполни.

Песнь 7

Ирмос: В начале землю основавый и Небеса словом утвердивый, благословен еси во веки, Господи, Боже отец наших.

Елеем любви твоея помазал еси люди, иго Христово на рамо взем, последовал еси стопам Его, святительски потрудися, слово Божие возвести, да прославляют верная чадом Сотворшаго вся, поя Господеви: благословен еси во веки, Боже отец наших.

Пастырь добрый словесному стаду твоему, святителю Луко, был еси, душу твою за овцы положить готовый: темже и явился еси обидимым заступник непреодолимый, правды же ревнитель неустрашимый, сильных мира сего с любовью обличая и пасомых своих отечески вразумляя и наставляя, да верно воспевают Господа, Бога отец наших. Радовахуся людие града Симферополя, зряще тебе светлостью сана святительскаго облечена и престолу благодати Божией предстояща, усердно о пастве молящаяся. Апостолу же верно следуя, всем вся был еси, да вся ко Христу приведеш и купно со всеми вопиеш: благословен еси во веки, Господи, Боже отец наших.

Богородичен: Радости Подательнице, Богородительнице Пречистая, верою славящая и от души поющая Тя, радости неизреченныя исполни и Света Невечернаго сподоби, Дево Богоблагодатная, Владычице.

Песнь 8

Ирмос: Покрываяй водами превыспренность Своя, полагаяй морю предел песок и содержи вся, Тя поет солнце, Тя хвалит луна, Тебе приносит песнь вся тварь, яко Содетелю всех во веки.

Имя твое, святителю Луко, якоже благоухание рая Божия по лицу всея земли наша обносится, услаждая сердца верных и призывая в радости духовней воспевати Содетеля всех во веки.

Ныне ни в зеркалах, ни в гаданиях добрых, лицом же к лицу Христа Господа зриши, вопия радостно ты прославльшему Содетелю всех во веки.

О иерарше Богомудре, священное скончал еси течение, священнейшую жизнь твою священнейше совершив, радуясь и воспевая освящающего Содетеля всех Бога во веки.

Богородичен: Шедше путем Божественных заповедей Сына Твоего, Богомати, и Тя Заступицу и Предстательницу имея, вси роди

человечестии Твоим Рождеством от праотча падения встают и от клятвы праматерния избавляются.

Песнь 9

Ирмос: Благословен Господь Бог Израилев, воздвигнувший рог спасения нам, в дому Давида отрока Своего, яко посети нас Восток с высоты и направил ны есть на путь мирен.

Евангелие Христово проповедав, мудре Святителю, дело Божие на земли совершив и приятия Святых Таин Христовых сподобивыйся, о Бозе почил еси.

Ныне с Вышними Воинства моли, угодниче Христов, Человеколюбца даровати притекающим к предстательству твоему оставление грехов и жития исправление.

И по смерти, яко жив сый, благодатию Божиею с нами пребываеши, святителю Луко, пастырь добрый нам являешися, твердо стояти в православней вере укрепляя и в добродетельней жизни наставляя.

Богородичен: Еже радуйся, со Архангелом зовем Ти, Чистая, яко Царя Небеснаго родила еси, Дево Богородице, и молим Тя: избави ны, рабы Твоя, вечная смерти.

**Акафист священноисповеднику Луке, архиепископу
Симферопольскому и Крымскому**

Кондак 1

Возбранный святителю Церкви Православных и исповедниче, возсиявый стране нашей в земли Крымстей, яко светозарное светило, добре потрудивыйся и за имя Христово гонение претерпевый, прославляюще прославльшаго тя Господа, даровавшего нам тебе нового молитвенника и помощника, похвальное воспеваем ти пение: ты же, яко имеяй велие дерзновение ко Владыце небесе и земли, от всяких недугов душевных и телесных свободи нас и добре стояти в Православии укрепи, да вси во умилении зовем ти:

Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Икос 1

Ангелов собеседниче и человеков наставниче, Луко преславный, подобно евангелисту и апостолу Луке, емуже тезоименит сый, от Бога дар целити недуги в человецех приял еси, во врачевании болезней ближних многия труды подъемля, и плоть нося, о плоти нерадил еси, дела добрыми Отца Небеснаго прославил еси. Темже благодарне во умилении зовем ти:

Радуйся, от юности разум свой игу Христову покоривый;

Радуйся, пречестное Святыя Троицы селение бывый.

Радуйся, блаженство милостивых, по Слову Господа, унаследавый;

Радуйся, верою Христовою и знанием богодарованным многия недужныя исцеливый.

Радуйся, страждущих телесными недуги врачу милосердный;

Радуйся, во дни брани вождей и воинов исцелителю.

Радуйся, всех врачей наставниче;
Радуйся, скорый в нуждах и скорбех сущим помощниче.
Радуйся, Церкви Православная утверждение;
Радуйся, земли наша озарение.
Радуйся, крымских паствы похвало;
Радуйся, града Симферополя украшение.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 2

Видя в человецех во время врачеваний, аки в зеркале, премудрость и славу Творца всяческих Бога, к Нему Духом выну возносился еси, богомудре, светом же богоразумия твоего и нас озари, да вопием купно с тобою: Аллилуиа.

Икос 2

Разум твой Божественными учеными просветил еси, Луко всеславно, отвергнув всякое плотское мудрование, с разумом же и волю повинул еси Господеву. Подобен Апостолом быв, тии бо по Слову Христову: гряди по Мне, и сотворю вы ловца человеком, оставиша вся и по Нем идеша, и ты, святе, услышав зовущаго тя на служение Господа Иисуса чрез раба Своего архиепископа Ташкентского Иннокентия абие приемлещи священство в Церкви Православней. Сего ради, яко богомудраго наставника тя ублажающе, воспеваем сице:
Радуйся, Ангела Хранителя увеселение;
Радуйся, яко того николиже опечалил еси.
Радуйся, во учении преспевавый и тем мудрецы мира сего удививый;
Радуйся, от творящих беззаконие уклонивыйся.
Радуйся, Божия Премудрости созерцателю и проповедниче;
Радуйся, истиннаго богословия златословесный учителю.
Радуйся, апостольских преданий блюстителю;
Радуйся, свеще, Богом возженная, мрак нечестия разгоняющая.
Радуйся, звездо, путь ко спасению показующая;
Радуйся, Православия ревнителю.
Радуйся, раскольников обличителю;
Радуйся, свидений и оправданий Господних возжадавый.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 3

Силою благодати Божия, еще во временней жизни приял еси дар, святе Луко, недуги целити, да вси, усердно притекающие к тебе недугов телесных и паче душевных исцеления сподобляются, вопия Богу: Аллилуиа.

Икос 3

Имея неусыпное попечение о спасении душ, вверенных тебе от Бога, Луко блаженне, пастырски к душеспасительней жизни и словом и самым делом непрестанно наставлял еси. Сего ради прими от нашего усердия достойные похвалы тебе:
Радуйся, Божия разума исполненный;
Радуйся, благодатию Духа Святаго преосененный.

Радуйся, нищеты Христовы подражателю;
Радуйся, пастырю добрый, уклоняющийся от веры православных и блуждающих по горам суетности взыскать.
Радуйся, делателю винограда Христова, чада Божия укрепляя в истинной вере православней;
Радуйся, щите, защищаяй благочестие.
Радуйся, непоколебимое Православия основание;
Радуйся, твердый каменю веры.
Радуйся, душепагубного неверия и злоторонаго обновленчества обличителю и искоренителю;
Радуйся, в делании духовном подвизающихся мудрый укрепителю.
Радуйся, от мира изгнанным пристанища тихаго указателю;
Радуйся, яко приим крест, Христу последовал еси.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 4

Бурю внутрь имея помышлений многих, недоумеваше раб Божий, что речет о нем Господь, егда проразумеваху его достойна быти епископом граду Ташкенту: обаче всего себе Христу Богу предаде, Тому о всем благодарение возсылая, зовый: Благословен Бог, изливаяй благодать Свою на архиереи Своя, и поя Ему: Аллилуиа.

Икос 4

Слышавше людие православнии, в гонении сущии, о благоплодных добротех души твоея, богоносе Луко, и видевше тя на степени святительства, яко достойный сосуд Божественныя благодати, вся немощная врачующия и оскудевающая восполняющая, дивятся чудному промыслению Божию о тебе и приносят ти сицевая благохваления:

Радуйся, архиерею, от Самого Господа пронареченный;
Радуйся, и в надписании книги твоея сан епископа тебе предуказавый.
Радуйся, иерархов украшение;
Радуйся, пастырю добрый, готовый душу свою положить за овцы твои словесныя.
Радуйся, многосветлый Церкви светильниче;
Радуйся, Апостолов сопричастниче.
Радуйся, исповедников украшение;
Радуйся, о себе попечение всякое отвергий.
Радуйся, скорбей утолителю;
Радуйся, о людских невежествих печальниче.
Радуйся, искавший спасения правым учением оглашавый;
Радуйся, житием твоим сего учения не посрамивый.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 5

Боготочною кровию от вечныя смерти искупленные соблюдая, егда сан епископа в дни страшных гонений по благословию святого Патриарха Тихона от рук архиереев православных приял еси, святителю Луко, дело благовестника добре сотворил еси, обличая, запреща, умоляя, со всяким долготерпением и учением, и поя Богу: Аллилуиа.

Икос 5

Видевше Ангельстии чинове великия твоя подвиги, егда по заповеди Господней: Блажени изгнани правды ради: яко тех есть Царствие Небесное, в крепости сердечней безропотно понесл еси заточение и изгнание в Сибирь за имя Господа и святую Церковь Христову, терпением велиим устрояя свое спасение, примером же своим верных души назидая. Мы же тя усердно любовию почитающе, чествуем похвалами сими:

Радуйся, светильниче, на свещнице церковней поставленный;
Радуйся, яко слово Писания: Любы долготерпит, на тебе оправдася.
Радуйся, защищати тя верным воспретивый;
Радуйся, влаstem повинувыйся и сего ради волею в руки воинов нощию предавыйся.
Радуйся, клеветы неправедных судий уничиженный;
Радуйся, в заточение со смирением безропотно шедый.
Радуйся, из управляемых тобою Ташкентския епархии правды ради изгнанный;
Радуйся, верными оплаканный.
Радуйся, за Господа Распятого изъязвленный и заушенный;
Радуйся, уста лживых неверов заградивый.
Радуйся, праведными усты небесныя истины и в изгнании вещавый;
Радуйся, яко мученицы на небесех о терпении твоём ликоваху.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 6

Проповедник немолчный тайны Пресвятыя, Единосущныя и Нераздельныя Троицы был еси и в темнице, и во градах сибирскаго изгнания, терпя глад, мраз северныя страны и жестокость клеветов безбожных. Сего ради проповедует Церковь Крымская величия Божия, явленная на тебе, святителю Луко, яко приял еси дар целити недуги душевныя и телесныя и в стране изгнания, да вси единым сердцем и едиными усты воспеваем Богу: Аллилуиа.

Икос 6

Возсиял еси, яко звезда лучезарная, красноярстей пастве и тамбовстей, озаряя души верных и разгоняя тьму нечестия и безбожия. И исполнишася на тебе слова Христовы: Блажени есте, егда поносят вам, и ижденут, и рекут всяк зол глагол на вы лжуще, Мене ради. Ты же, гонимый из града во град и клеветы терпя, архипастырское служение усердне исполнял еси и сладостию писаний твоих насыщал еси вся алчущия и жаждущия правды, иже благодарне взывают тебе:

Радуйся, наставниче, вся к небеси наставляяй;
Радуйся, славы Божия истинный ревнителю.
Радуйся, воине Христов непобедимый;
Радуйся, за Христа Господа темницы и биения терпевый.
Радуйся, смирения Его истинный подражателю;
Радуйся, вместилище Духа Святаго.
Радуйся, вшедый с мудрыми в радость Господа твоего;
Радуйся, корыстолюбия обличителю.
Радуйся, пагубу тщеславия показавый;

Радуйся, беззаконники ко обращению призывавый.
Радуйся, имже сатана посрамися;
Радуйся, имже Христос прославися.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 7

Хотя достойно совершити подвиг, возложенный на тя от Бога, облеклся еси во вся оружия Божия и стал на брань противу миродержителей века сего, духов злобы поднебесных, препоясав чресла своя истиною и оболкийся в броню правды, угасил еси, исповедниче Луко, вся стрелы лукаваго, поя Содетелю и Богу: Аллилуиа.

Икос 7

Новое гонение воздвижеся беззаконных человек и безбожных на Церковь Православную, и в дальнюю таежную глубину угнаша тя, святителю Луко, и близ смерти быв, рукою Божию сохранен, взывал еси с Павлом апостолом: До нынешняго часа и алчем, и жаждем, и наготуем, и страждем, и скитаемся. Гоними, терпим: якоже отреби миру быхом, всем поправление доселе. Сего ради, ведуще таковая, ублажаем тя:

Радуйся, исповедниче Христов блаженный;
Радуйся, мраз лютый претерпевый.
Радуйся, близ смерти бывый, Господом сохраненный;
Радуйся, самоотвержение всецелое показавый.
Радуйся, уневестивый душу твою Жениху Христу;
Радуйся, Господа Распятого на Кресте присно пред собою предзревый.
Радуйся, во бдениих и молитвах неослабно пребывал еси;
Радуйся, Единосущный Троицы истинный ревнителю.
Радуйся, скорый от всякия болезни безмездный врачу;
Радуйся, ломотные и опухлыя уврачевавый.
Радуйся, от неисцельных гнойных болезни костей и ран здравы возставивый;
Радуйся, яко верою твоею и труды врачевными разслабленнии изцелеша.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 8

Странник во юдоли земней быв, терпения, воздержания и чистоты образ показал еси, исповедниче Луко. Любовь евангельскую явил еси, егда отечество твое в опасности от нашествия иноплеменник пребываше, день от дне во лечебнице трудяшеся, исцеляя недуги и раны вождей и воинов отечества земнаго, непамятозлобием и любовью удивляя вся творящая ти напасти, и многия сим обрати ко Христу, во еже пети Ему: Аллилуиа.

Икос 8

Весь исполни любве Христовы, Луко благосерде, душу твою полагал еси за други твоя, и яко Ангел Хранитель присущ был еси ближним и дальним, озлобленных укрощая, враждующия примиряя и спасение

всем устроая. Поминая труды твоя во благо людей отечествия твоего, благодарне взываем ти:

Радуйся, дивную любовь к отечеству земному показавый;

Радуйся, смирения и незлобия учителю.

Радуйся, изгнание и жестокия муки мужемудренно претерпевый;

Радуйся, за Христа пострадавый и мучения приявший.

Радуйся, твердо Его исповедавый;

Радуйся, злобу врагов любовью Христовою победивый.

Радуйся, отче благосердый, взыскавый спасения многих;

Радуйся, яко великими скорбьми искушен был еси.

Радуйся, в гонениях терпение дивное явивый;

Радуйся, яко за враги умолял еси Господа.

Радуйся, егоже любовь победи всякую вражду;

Радуйся, егоже незлобие покори жестокия сердца.

Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 9

Всем был еси вся, якоже и святой Павел, да всяко некия спасеши, святителю Луко, архипастырский подвиг совершая в Тамбовском крае, многими труды храмы обновляя и созидая, уставы святоотеческия строго соблюдая, спасению паствы твоея послужити не престал еси, чисто Богу поя: Аллилуиа.

Икос 9

Ветии человечести не возмогут по достоянию изрещи твоих благодеяний множество, егда явился на Крымстей земли, яко отец чадолюбивый, святителю отче Луко. Щедродательная бо десница твоя всюду досязаше. Мы же благосердию твоему подражати хотяще, во удивлении взываем к тебе:

Радуйся, лучу любви Божия;

Радуйся, сокровище милосердия Спасова неистощимое.

Радуйся, яко вся своя неимущим раздавал еси;

Радуйся, ближния твоя паче себе возлюбивый.

Радуйся, безматерних сирот питателю и окормителю;

Радуйся, беспомощных старцев и стариц попечителю.

Радуйся, яко болящия и в темнице заключенныя посещал еси;

Радуйся, яко нужды бедных предварял еси в различных весех отечествия своего.

Радуйся, яко нищия поминая, обеды им уготовлял еси;

Радуйся, яко коемуждо в горестех, аки Ангел утешитель являлся еси.

Радуйся, Ангеле земный и человеке небесный;

Радуйся, яко о глубине милосердия твоего Матерь Божия возрадовася.

Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 10

Спасению крымския паствы твоея послужити многолетне не престал еси, яко пастыреначальник Христос, на рамах заблудшее взял естество, Богу и Отцу привел еси. Божиим бо милосердием утешая, ко исправлению жития словеса учительными твоими влекл еси вся, во еже сердцем чистым пети Богу: Аллилуиа.

Икос 10

Царя Небесного, Христа Бога верный слуга быв, святителю отче Луко, неустанно возвещал еси слово истины во всех храмах земли нашея Таврической, душеспасительную пищу учения евангельского верных чада научая и устав Церкви строго исполняти повелевая. Темже ты, яко пастыря добраго, сице прославляем:
Радуйся, неутомимый проповедниче правды евангельския;
Радуйся, яко Богом врученное тебе стадо словесное добре пасый.
Радуйся, яко овцы своя словесныя от душепагубных волков охранявый;
Радуйся, чина церковного строгий блюстителю.
Радуйся, чистоты веры православныя охранителю;
Радуйся, тобою бо Дух Святой написа слова спасительная.
Радуйся, яко тайну богословия о душе, души и телеси явил еси нам;
Радуйся, яко в слово твое, аки в ризы позлащены, тайны веры одеяшася.
Радуйся, молние, гордыню низлагающая;
Радуйся, громе, беззаконно живущия устрашая.
Радуйся, церковного благочестия насадителю;
Радуйся, архипастырю, пастыри духовныя наставляя и вразумляя неперестанно.
Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 11

Пение у гроба твоего, угодниче Божий, не умолкаше во днех блаженного успения твоего. Мнози бо ведяху тя богоносна и равноангельна суща, собишася от всех предел земного твоего отечества совершити соборное моление о души твоей, восходящей в горния обители отечества небесного, воспевающе и поюще Богу: Аллилуиа.

Икос 11

Свеща еси в Церкви Христовой, горящая невещественным светом благодати Божией, был еси, святителю Луко, вся концы земли нашея озаряя. Егда же приспе время отшествия твоего, Божественнии Ангели прияша святую душу твою и в небесныя обители вознесоша. Темже, поминающе блаженное успение и велие твое на небеси и на земли прославление, с радостию приносим ти благохваления сия:
Радуйся, светильниче немеркнущий Света Невечерняго;
Радуйся, яко мнози прославиша чрез твоя добрая дела Отца Небесного.
Радуйся, яко свет добрых дел твоих просветися пред человеки;
Радуйся, житием твоим праведным Богу угодивый.
Радуйся, угодниче Божий, течение благочестия скончавый;
Радуйся, веру, надежду и любы от Господа стяжавый.
Радуйся, со Христом, Егоже возлюбил еси, навеки соединивыйся;
Радуйся, Царствия Небесного и славы вечныя наследниче.
Радуйся, архиерею, от вечного Архиерея Христа благодатными дарами исполненный;
Радуйся, скорый помощниче призывающим тя.
Радуйся, земли Крымския новое светило и утверждение;
Радуйся, рода христианского благодатный покровителю.

Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 12

Благодать свыше ти данную познавше, благоговейно лобызаем честного лика твоего изображение, святителю Луко, чающе тобою получить просимое от Бога. Темже припадая ко святым мощем твоим, со умилением молим тя: укрепи нас добре стояти в вере православней и, угождающе благими делы, немолчно пети Богу: Аллилуиа.

Икос 12

Поюще Бога, дивного во святых Своих, хвалим тя, Христова исповедника, святителя и предстателя пред Господом. Весь бо еси в вышних, но и нижних не оставляеши, святителю отче Луко, присно со Христом царствуеши и о нас грешных пред Престолом Божиим ходатайствуеши. Сего ради во умилении зовем ти:

Радуйся, света непреступного зрителю;

Радуйся, звездо лучезарная, над землею нашею возсиявшая.

Радуйся, емуже сорадуются Ангели и о немже веселятся человецы;

Радуйся, научивый заповедем Христовым и сотворивый я.

Радуйся, яко достоин явился еси Царствия Небеснаго;

Радуйся, путем исповедничества райских селений достигший.

Радуйся, поношения Христа ради терпевый и вечную с Ним славу приявый;

Радуйся, души наша к Царствию Небесному путеводяй.

Радуйся, предстателю пред Престолом Божиим за ны грешныя;

Радуйся, Православия похвало и земли нашея радование.

Радуйся, в сонме святых быти сподобивыйся;

Радуйся, Собору всех Крымских святых сопричастниче.

Радуйся, святителю Крымский исповедниче Луко, врачу благий и милостивый.

Кондак 13

О великий и преславный угодниче Божий, святителю отче наш Луко, приими сие похвальное пение от нас недостойных, обаче с любовью сыновнею тебе приносимое. Предстательством твоим у Престола Божия и молитвами твоими вся ны в вере православней и добрых делех утверди. От всяких бед, скорбей, болезней и напастей в сей жизни находящихся сохрани, от мучений в будущем веце избави. И сподоби в вечней жизни купно с тобою и со всеми святыми пети Творцу нашему: Аллилуиа.

Молитва святителю Луке, исповеднику, архиепископу Красноярскому и Крымскому

О всеблаженный исповедниче, святителю отче наш Луко, великий угодниче Христов. Со умилением приклоньше колена сердец наших,

и припадая к раце честных и многоцелебных мощей твоих, якоже чада отца молим тя всеусердно: услыши нас грешных и принеси молитву нашу к Милостивому и Человеколюбивому Богу. Ему же ты ныне в радости святых и с лики ангел предстоиши. Веруем бо, яко ты любиши ны тою же любовью, еюже вся ближняя возлюбил еси, пребывая на земли.

Испроси у Христа Бога нашего, да утвердит чад Своих в духе правыя веры и благочестия: пастырям да даст святую ревность и попечение о спасении вверенных им людей: право верующия соблюдать, слабыя и немощныя в вере укрепляти, неведущия наставляти, противныя обличати. Всем нам подай дар коемуждо благопотребен, и вся яже к жизни временней и к вечному спасению полезная.

Градov наших утверждение, земли плодоносие, от глада и пагубы избавление. Скорбящим утешение, недугующим исцеление, заблудшим на путь истины возвращение, родителем благословение, чадам в страхе Господнем воспитание и научение, сирым и убогим помощь и заступление.

Подаждь нам всем твое архипастырское благословение, да таковое молитвенное ходатайство имущи, избавимся от козней лукавого и избегнем всякия вражды и нестроений, ересей и расколов.

Настави нас на путь, ведущий в селения праведных, и моли о нас всесильного Бога, да в вечней жизни сподобимся с тобою непрестанно славить Единосущную и Нераздельную Троицу, Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

*Молитву составил протоиерей Георгий СЕВЕРИН,
настоятель храма Трех Святителей г. Симферополя*